

которое автор (там же) прямо выводит из праформы *laks-ja (т. е. *lqks-ja) от упомянутого глагола; но тогда ожидалось бы опять-таки только *lqša (*lqx-ja). Может быть, целесообразнее говорить о праслав. *lqkъša или вообще допустить в словах этого гнезда (lęksač, lększa) поздние формы. Праслав. *lqkovatъ (у автора на польский манер дается *lqkovatъ) на базе польск. lękowaty 'дуговидный, изогнутый' и других славянских), по мнению Славского, имеет 'точное соответствие' в лит. lankavotas 'согнутый, сгорбленный', но совершенно ясно, что это последнее заимствовано из славянских языков, поскольку литовский (и вообще балтийский) не имеет искомого соответствия сложному славянскому суффиксу прилагательных -ov-atъ.

О. Н. Трубачев

K. Polański. Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich. Zesz. 4: perēt — rōtt'а. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1976

Этимологический словарь остатков мертвого полабского языка, четвертый выпуск которого мы сейчас рецензируем, постепенно приближается к своему концу (первый выпуск вышел в 1962 г.). Свообразие типа этого словаря, а также его место среди других словарей было охарактеризовано в предыдущих рецензиях, которыми мы неизменно откликнулись на страницах «Этимологии» на публикацию трех предшествующих выпусков. Полифункциональность и специфичность настоящего словаря выражаются в том, что автор продолжает вносить коррективы не только в этимологию полабских слов, но и в их прочтение и реконструкцию. Ср. на с. 543 заглавную форму podąji-sə < *padaje sě 'идет дождь', вместо реконструкции podesā < *padeše, предлагавшейся самим автором ранее. Конечно, реконструкция и этимология тесно связаны друг с другом. Не вполне точная реконструкция может увести от правильной этимологии, как это, по-видимому, случилось на с. 594 со словом prüst'ац род. п. ед. ч. 'Loderasche', т. е. 'горящая зола'. Полянский считает эту форму отражением *prošьku (из *poršьku), ср. польск. proszek, proszku, русск. порошок и т. д., по мнению автора, — «jeden z nielicznych przykładów w połab. na przestawioną grupę tzw. *tort ≥ *trot ≥ *tröt/trüt». Впрочем, как вынужден признать и сам автор, это не помогает этимологизации слова (реконструкция и этимология из *brězga, принимаемая другими исследователями, см. там же, еще менее вероятна). Скорее всего, перед нами форма от праслав. *pryskъ, ср. польск. prysk 'жар, горячая зола', русск. прыск 'жар угольный', укр. прісок, пріску 'горячая зола с огнем', что наилучшим образом отвечает значению 'Loderasche'¹.

В случае с полаб. rajgeřъ 3 л. ед. ч. наст. 'управляет, господствует' (с. 621) авторская реконструкция фонетической формы полабского слова, может быть, слишком буквальна в отношении немецкой записи reigeria, regeria. Как указывает и сам Полянский (там же), слово заимствовано из ср.-нем. regeren, следовательно, надо считаться с возможностью фрикативного g или его фонетического тождества j. Ср. польск. rej, название танца, из нем. Reige(n) (Brückner 457), а особенно польск. rejestr < нем. Register (впрочем, дифтонг в полабском слове, выше, делает правдоподобным его общее происхождение с польск. rej 'танец', что же касается значения 'руководить', то ср. польский оборот wodzić rej 'верховодить, быть заправилкой').

Скудность полабской письменной традиции создает ситуации, когда известно производное pölüvněk (*polovnikъ, с. 560) и не засвидетельствовано производящее слово *polova 'половина'. Наряду с этим небогатым полабский лексический материал обнаруживает интересные редкие образования и изоглосные связи, ср. полаб. prüsiněk (*prosenikъ) 'просяная каша' с точным соответствием только в болг. просеник 'просяное тесто, просяной хлеб' (с. 594).

¹ См. об этом Трубачев О. Н. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике. — Этимология, 1968. М., 1971, с. 62.

Весьма любопытен случай оригинального семантического развития в полаб. *rod'aibnē* (*ragubъnъjъ или *ragubъnъjъ) 'умный', в других славянских языках соответствия выступают только в значении 'пагубный, сулящий гибель' (исходным для развития значения 'умный' послужило значение движения, присущее слав. **gub-*/**gub-*). Заслуживает внимания указание автора на особую продуктивность в полабском языке суффикса *-en-* в тех образованиях, где в других славянских языках отмечается суффикс *-ěn(-jan-)*, ср. полаб. *plät-nenē* (*poltnenъjъ) 'льняной, полотняный' (с. 530).

О. Н. Трубачев

Bezla j F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Prva knjiga; A — J. Ljubljana, 1976

«Этимологический словарь словенского языка» — это первый опыт этимологизации словарного состава словенского языка. Словарь принадлежит проф. Ф. Безлаю, известному своими работами по гидронимии, этимологии и изоглоссным связям словенской лексики¹. Замысел словаря относится к довоенному 1939 г., когда при Словенской АН была создана этимологическая комиссия в составе Ф. Рамовша, Р. Нахтигалия, А. Брезника и И. Графенауэра. В 1943 г. Ф. Рамовш опубликовал двадцать пробных статей², из обзора которых видно, что в будущем словаре предполагалось отвести основное место не этимологии, которая носит общий и краткий характер, а полной документации литературных, исторических и диалектных источников по словенской лексике. В дальнейшем разные причины надолго отодвинули осуществление этого замысла. В послевоенные годы после смерти Ф. Рамовша работа над словарем была возложена на его ученика Ф. Безлая. В том, что Словенская АН на протяжении многих лет находила возможным и необходимым поддерживать столь многотрудное дело, требующее серьезной и долгой подготовительной работы, проявилась большая научная проницательность и дальновидность ведущих ученых Словении.

Настоящий словарь складывался и формировался в том виде, в каком его представляет первый том, преимущественно в последние десятилетия. И естественно, новое время внесло существенные коррективы в первоначальные принципы словаря. Из-за недостаточной разработанности словенской лексикографии оказалась нереальной идея свести воедино в одной словарной статье сведения о представленности слова в письменной литературе и по диалектам. Интенсивное исследование вопросов славянской этимологии, активизация работы по созданию этимологических словарей отдельных славянских языков выдвинули на первый план задачу этимологической интерпретации словенской лексики. Решение этой задачи имеет первостепенное значение для понимания места словенского в кругу славянских языков. И хотя Ф. Безлай по возможности использует различные лексикографические и диалектные источники, все же основной акцент сделан на разработку этимологической части. И словарь служит ценным справочником прежде всего по этимологии словенских слов. Выдающийся славист Ф. Миклошич, словенец по происхождению, дал образцы тонкого понимания внутренней формы и этимологических связей словенских слов и поставил на твердую научную основу изучение словенского языка. Словарь посвящен памяти Ф. Миклошича и Ф. Рамовша, и в этом дань уважения и понимание роли этих ученых в изучении словенского языка.

Работа Ф. Безлая представляет словенский язык во всем его лексическом богатстве. Самостоятельную ценность имеет приведенный фактический материал, почерпнутый из ономастики, многочисленных словенских диалектов.

¹ См.: *Bezla j F.* Slovenska vodna imena I—II. Ljubljana, 1956—1961; *Он же.* Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.

² *Letopis slovenske akademije znanosti in umetnosti* I. Ljubljana, 1943.